

ИЛЬЯ КОНОНОВ,

доцент, кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии и социологии Луганского национального педагогического университета им. Тараса Шевченко

Социология и проблемы пространственной организации общества

Abstract

An active morphogenesis of spatial social structures is being observed in the contemporary world, which finds its reflection in the concepts of globalization and regionalization. Sociology has been disregarded the spatial aspect of the society's existence for a long period, and finally was found defenseless in the face of spatial challenge of the present. Sociology is in need of intensive co-work with other sciences, such as geography, geo-politics, geo-economics as well as philosophy. Regional sociology may become the starting point of the sociological knowledge.

Ничто из того, что делают люди, невозможно вне пространства; жизнь нельзя ни прожить, ни даже вообразить без него¹.

Р.Л.Ален [1, с. 252].

Актуальность пространства

Современная социология столкнулась с достаточно неожиданной актуализацией проблемы пространства. Конечно, и раньше глубокие социальные преобразования предполагали изменения в пространственных аспектах существования общества. Однако до настоящего времени пространство скорее было предметом общественной экспансии. Оно претерпевало преодоление, покорение, сжатие и т.п. Сейчас же произошло нечто радикально иное. В единстве общественного пространства–времени резко возросло значение первой составляющей.

¹ Перевод В.Николаева.

Эта актуализация пространственных аспектов бытия человечества просматривается и в концепциях, призванных объяснить и сориентировать современное общество. Прежде всего это относится к идее устойчивого развития, а также к концептам глобализации и регионализации.

Устойчивое развитие предполагает отказ от пространственной экспансии как ведущего способа решения многих проблем, возникающих в системе “природа–общество”. Ставка делается на гармонизацию этих отношений. Для этого необходимо досконально знать пространства жизнедеятельности человеческих сообществ. Не скользить по ним, выхватывая необходимые предметы труда, а воспринимать и принимать как целостности. В связи с этим очень актуальными становятся представления о границах, которые человечеству необходимо принимать во внимание в своей деятельности. Это границы Земли как общего космического корабля, границы различных локусов, каждый из которых уникален, но все они связаны в единую систему. Идея устойчивого развития имеет своей интенцией максимум ответственности каждого человеческого сообщества за ту часть земной поверхности, на которой локализуется его деятельность. В силу этого данная идея предполагает не только технологические решения, но и новую экологическую мораль наций, региональных сообществ и индивидов, полагающую необходимость гармонизации отношений человека с природой в своем локусе обитания для выживания всего человечества.

Конечно, сформулированная мною максима новой экологической морали выглядит очень абстрактно. Реально не все человеческие сообщества равноправны, не все в равной мере ответственны за проблемы, возникшие на их территориях обитания. И не все имеют одинаковые возможности для решения соответствующих проблем. Поэтому нужно конкретизировать пространственные характеристики бытия современного человечества, прибегнув к концептам глобализации и регионализации.

В современных общественных науках больше пишут о глобализации. Некоторые авторы достаточно определенно связывают глобализацию с изменениями пространственно-временных параметров общественного бытия. Например, А. Панарин считал, что глобализация разрушает мир модерна с его надеждой на универсальную перспективу для всего человечества. Позволю себе привести большую цитату из его памфлета “Искушение глобализмом”: “Прогресс в рамках классического модерна измерялся критериями Большого пространства и Большого исторического времени — он касался массовых судеб. Нынешняя глобализация является паразитарной: она протекает за счет разрушения этого Большого пространства–времени. Элиты приобретают весь мир — освобождаясь от национальной привязки и связанных с ней обязательств. Они могут это делать, только последовательно разрушая национальные пространства и суверенитеты. Но демонтаж единых больших национальных государств лишает народы единого большого отечества, заменяемого новыми именными и региональными местничествами” [2, с. 24–25]. Последний тезис он постоянно усиливал на протяжении книги: “Глобализм парадоксально сомкнулся с трайбализмом” [2, с. 238]. Или в другом месте: “...Заново возобладала сегрегация человечества в пространстве” [2, с. 267].

Социально-пространственные характеристики человечества под влиянием глобализации приобрели достаточно противоречивые черты. С одной

стороны, глобализация превратила всю планету в единый социальный организм, но, с другой стороны, из-за сетевого характера глобального сообщества огромное количество людей страдают от социальной эксклюзии. Это ведет к росту имущественного расслоения как в мире в целом, так и в национальных рамках. В мировом масштабе разрыв между уровнем благосостояния 20% верхних слоев и 20% нижних слоев с 1960-го по 1990 год увеличился вдвое и составил пропорцию 60:1. Но уже в 1994-м этот показатель измерился отношением 78:1 [3, с. 582–583]. Глобальный мир — это единство неравных, имеющее тенденцию к росту неравенства. Часто это порождает у исследователей чувство растерянности, которое прекрасно передал С. Макеев: «Тотальное наступление на ряд основополагающих для прежнего социального порядка дихотомий — “внутреннее–внешнее”, “национальное–интернациональное”, “локальное–социетальное”, “центр–периферия”, “частное–публичное”, “далекое–близкое”, “свое–чужое” (перечень открыт для пополнения), — которое теперь естественным образом и едва ли не рефлекторно связывается с глобализацией, вызывает размывание обоснованности и значимости подобных дихотомий. Что, в свою очередь, императивно требует переосмысления представлений о социальном порядке, конституируемом, прежде всего, социальными институтами» [4, с. 6]. Выражая понимание по поводу подобного чувства, я, однако, не думаю, что все приведенные дихотомии утратили очевидность. Например, в современном “однополярном” мире такие топоры, как “центр” и “периферия”, приобрели значительно большую однозначность, чем в предшествующем “многополярном” мире. З.Бжезинский без обиняков утверждает: “... Америка стоит в центре взаимозависимой вселенной, в которой власть осуществляется через постоянное маневрирование, диалог, диффузию и стремление к формальному консенсусу, хотя эта власть происходит, в конце концов, из единого источника, а именно: Вашингтон, округ Колумбия. И именно здесь должны вестись политические игры в сфере власти, причем по внутренним правилам Америки” [5, с. 40–41].

Центр-периферийные отношения в процессе глобализации ведут к тому, что взгляд теоретика начинает двоиться. И это раздвоение является следствием противоречивости самого объекта теоретической рефлексии. Ю.Павленко пишет: “Сущностью глобализации, видимо, является превращение человечества в единую структурно-функциональную систему, в которой — в идеале — отдельные элементы, блоки, подсистемы будут работать на обеспечение друг друга. В этой связи сегодня бросается в глаза разительное неравноправие образующих глобальную цивилизацию компонентов и все возрастающий разрыв между ее ведущим звеном — Западом, группой наиболее развитых стран, вышедших на уровень информационного общества, и прочим человечеством, разительно отстающим от мировых лидеров” [3, с. 572].

Вместе с тем, изменение пространственных аспектов бытия современного человечества в процессе глобализации вовсе нельзя свести к вестернизации. Запад и, прежде всего, Соединенные Штаты пытаются “оседлать” процесс глобализации. Но в реальности это им плохо удается. Дело в том, что здесь сетевой принцип глобальных структур сталкивается с национальным принципом единства больших территорий, очерченных государственными границами. Последний в схватке проигрывает. Развитые страны лишаются многих производств, важных с точки зрения классических представлений о жизнеспособности наций; они оказываются бессильными пе-

ред террористическими атаками и т.д. Проблематизация положения национальных государств связана с тем процессом, который украинский исследователь А.Арсенко определил как формирование системы транснационального капитализма [6, с. 42–58]. Именно он и является сердцевиной процесса глобализации. Систему транснационального капитализма нельзя рассматривать как сумму национальных капитализмов; она функционирует как специфическая надстройка над всеми национальными рынками.

Национальные государства утрачивают значительное количество рычагов воздействия на общественные процессы на своих территориях. В этих условиях транснациональный капитал резко ограничил выполнение своих социальных функций, прежде всего через сокращение налоговых отчислений. Это стало возможным благодаря системе офшоров. Можно сделать вывод, что *современная глобализация вызвала острый конфликт между двумя основополагающими институтами западного общества — рынком и демократией*. Г.-П.Мартин и Х.Шуман по этому поводу остроумно заметили: “Когда исчезла угроза диктатуры пролетариата, все силы были брошены на построение диктатуры всемирного рынка” [7, с. 27].

Одновременно с процессом глобализации начало возрастать значение регионов как наднационального, так и субнационального уровня. Есть основания предположить, что глобализация и регионализация — это две стороны одного процесса. Название этого процесса — постиндустриальный переход. Поскольку глобализация затруднила институциональную регуляцию общественной жизни на уровне национальных государств, эта регуляция начала перемещаться на региональный уровень. Это ответ сил социальной самоорганизации на возникшие сбои. Осуществляясь на двух уровнях, наднациональном и субнациональном, регионализация наряду с усилиями национальных государств может способствовать преодолению аномии, вызванной современной формой глобализации.

Можно сослаться на исследования, показывающие взаимосвязь регионализации с самыми глубокими основаниями нынешних общественных изменений. Например, шведский исследователь Ульф Виберг (U.Wiberg) утверждает, что постиндустриальное общество имеет потенциал для восстановления локальных свобод, подобных тем, что характеризовали доиндустриальные общества [8, с. 99]. Это связано с тем, что выиграть в глобальной конкуренции могут только территориальные сообщества, создавшие наилучшие условия для развития человеческого капитала. Муниципальное управление, раньше носившее характер управления, в нынешних условиях приобретает характер предпринимательства [8, с. 101]. Именно потребности муниципального предпринимательства толкают к сотрудничеству между регионами, имеющими общие интересы [8, с. 102].

Группа американских авторов, ставивших своей целью изучить факторы успехов и провалов муниципалитетов таких метрополитенов¹, как Лос-Анджелес, Сан-Хосе, Шарлота и Бостон, пришли к выводу, что в глобаль-

¹ Понятие “метрополитен” используется в американской традиции для обозначения города, имеющего более 50 тыс. жителей с пригородами, или других территорий, которые имеют население не менее 100 тыс. чел. Речь идет не об административных единицах, а о единицах статистических и фискальных расчетов.

ной экономике преуспевают регионы, а не страны [9, с. 5]. С их точки зрения, именно глобализация позволила оформиться регионализму как форме накопления социального капитала [9, с. 181].

Особенно интересен для современного мира опыт Европейского Союза. Возникнув как наднациональное региональное объединение и пройдя путь от Европейского объединения угля и стали (1951) через Европейское экономическое сообщество (1957) к современному состоянию, он постоянно совершенствовался. Это совершенствование было связано с постоянной внутренней самокритикой. Например, европейские исследователи настойчиво обсуждают угрозы возникновения “многослойной” и конфликтной Европы, а также проблему “демократического дефицита” в ЕС [10, с. 44–57]. Преодоление последней угрозы, кроме всего прочего, связывается с повышением роли регионов субнационального уровня в жизни ЕС. Снова стало пользоваться популярностью наследие средневекового юриста Йоганна Альтузиуса (Johannes Althusius) (1557–1638). Прежде всего, это связано с сегодняшней актуализацией принципа субсидиарности. Т.Фадеева таким образом передает его суть: “Альтузианская модель социетального федерализма строится на основе малых общностей с ограниченными функциями, которые объединяются в более широкие территориальные объединения — регионы” [11, с. 29]. Через принцип субсидиарности в Европейском Союзе формируется возможность объединить региональные силы самоорганизации наднационального и субнационального уровней.

Конечно, эта картина значительно упрощает реальное положение дел. И в объединенной Европе регионализация порой порождает острые конфликты. Но в данном случае мне важно было показать ведущую тенденцию. Кроме того, опыт ЕС демонстрирует всю важность в современных обществах продуманной региональной политики. Она становится одной из важнейших предпосылок успешного развития той или иной страны.

Такая политика и должна опираться на социологическую теорию пространственной морфологии общества. Но есть ли такая? На этот вопрос можно ответить коротко: в развитом виде нет. К сожалению, все парадигмы современной социологии не учитывают проблему пространства как действительно важную для построения теории общества. Это уводит социологию от проблем сегодняшнего дня и усиливает скептическое отношение к ней в научном сообществе. В дальнейшем изложении я попытаюсь показать, почему социология оказалась невосприимчивой к проблеме пространства. В свою очередь, этот анализ должен подготовить к позитивному ответу на вопрос о том, как включить пространственную проблематику в ткань современной социологии.

Социология перед пространственным вызовом

Намереваясь проанализировать направленность движения в исследованиях социологических проблем пространства, мы будем иметь дело скорее с исключениями в социологическом сообществе, чем с основной линией развития мировой социологической мысли. Сегодняшнюю ситуацию хорошо охарактеризовал А.Филиппов: “Кого бы мы ни упомянули, какие бы трансформации ни происходили в понимании центрального вопроса социологии, как бы ни различались между собой представления о задачах науки и реаль-

ная практика науки как предприятия, среди бесконечных “что?” и “как?” мы не находим “где?”. Социология, может быть, и не равнодушна к тому, *где находится* то, что она изучает, но она не видит в этом “где?” центральной теоретической проблемы. В числе приоритетных областей социологии нет социологии пространства” [12]. Правда, здесь все же требуется уточнение. Невнимание к проблеме пространства вовсе не означало имплицитного отсутствия в социологических концепциях пространственных представлений. Американский социолог Р.Л.Ален обнаружил в модернистских дискурсах скрытые “партикуляризированные идеологические пространственные концептуализации” [13, с. 110]. Рассматривая развитие социологического пространственного анализа, в наследии социологов-классиков следует остановиться на работах О.Конта, Э.Дюркгейма, Г.Зиммеля, П.Сорокина, Т.Парсонса и П.Бурдьё. Это даст нам представление и о мировом социологическом мейнстриме, и об исключениях. В современной западной социологии пространственный анализ развивают А.Лефевр, Э.Соджа и Р.А.Ален. В современной российской социологии всестороннюю разработку данной проблемы в историко-социологическом плане дал А.Филиппов, а Г.Угольников предложил математические модели социального пространства. В украинской социологии проблемам социального пространства в разное время посвящали свои исследования Н.Шаповал, А.Стегний, Н.Чурилов, Ю.Яковенко, Л.Малес и др. Опираясь на работы названных авторов, попытаюсь выяснить возможности социологии перед лицом пространственного вызова современного мира.

Траектория разработки этой проблематики в социологии похожа на синусоиду. Взлеты здесь постоянно чередовались с провалами, усложнение дискурса с последующим его упрощением, открытость навстречу усилиям других наук с дисциплинарным окукливанием. Причем в самом начале социологии скрыт определенный парадокс, связанный с проблемой пространства. Ведь идея социологии с самого начала опиралась на стремление к единству научной методологии. Методологическое единство наук должно было послужить предпосылкой открытия основополагающих законов природы и общества, создать стройную систему представлений о действительности. Это — сердцевина философского проекта французского Просвещения. Ш.-Л.Монтескье еще в “Персидских письмах” писал: “Пускай обыкновенные законодатели предлагают нам законы для упорядочения человеческих обществ, — законы, столь же подверженные изменению, насколько изменчив ум предлагающих и ум народов, их соблюдающих! А философы говорят нам о законах всеобщих, незыблемых, вечных, которые соблюдаются без всяких изъятий, в безграничном пространстве, с бесконечным порядком, последовательностью и быстротой” [14, с. 227–228]. С этими словами старейшего французского просветителя перекликается высказывание О.Конта: “...Основная характеристическая черта положительной философии состоит в признании всех явлений подчиненными неизменным законам, открытие и низведение числа которых до минимума и составляет цель всех наших усилий, хотя мы и признаем абсолютно недоступными и бессмысленными поиски первых или последних причин” [15, с. 97–98]. С точки зрения О.Конта, именно социология призвана была завершить ряд наук, придав научному знанию законченный системный характер. Стремление к методологическому единству наук о природе и обществе отразилось и в том

факте, что О.Конт первоначально называл социологию “социальной физикой”. Для естествознания пространство и время всегда выступали важнейшими переменными, без которых невозможно формулировать законы. Социология с момента своего возникновения учитывала переменную времени. Однако ни для О.Конта, ни для его последователей фактор пространства существенной роли в теоретических построениях не играл. Думаю, что в этом искажении методологического образца не стоит винить отцов-основателей социологии. Скорее всего, здесь независимо от их воли и желания проявилась некая социальная симптоматика.

Наверное, можно сказать, что последующее отношение к проблеме пространства в главном направлении мировой социологии было задано Э.Дюркгеймом. Согласно постулатам его социологизма, общество включено в мировой природный порядок, но представляет собой реальность особого рода, не сводимую к другим видам реальности. Поэтому социальные факты необходимо объяснять другими социальными фактами. Объясняя происхождение разделения труда, Э.Дюркгейм указывал на его биологические, даже общеприродные предпосылки, но ничего не говорил о пространственных предпосылках [16, с. 45]. Думаю, очень глубоко эту методологическую позицию осмыслил А.Филиппов: “Общество Дюркгейм ставит на место кантовского трансцендентального субъекта. Иными словами, именно социальной организации человек обязан теми *самоочевидными* формами восприятия, которые Кант называл априорными, в первую очередь идеями пространства и времени” [17, с. 44]. Эта методологическая установка обуславливает вполне определенные последствия. Благодаря ей проблема пространства в социологии формулируется исключительно как проблема *социального пространства*, понимаемого как момент социальной структуры. Такое пространство общество *производит* и *воспроизводит*. Оно создано обществом и не является ни физическим, ни географическим. На географическое пространство социальное пространство набрасывается практиками власти. Так, для Т.Парсонса пространство представляло интерес в связи с центральной для него идеей нормативного порядка. Нормативный порядок и пространство связаны через личность. Существование последней предполагает телесность, а следовательно, экологично. Телесность индивидов и фактор пространства как общественные проблемы взаимосвязаны. А следовательно, “поддержание нормативного порядка не может быть отделено от территориального контроля над поведением, функция управления должна включать ответственность за сохранение территориального единства нормативного порядка общества” [18, с. 21].

Собственно, это и есть характеристика эксплицитного рассмотрения проблемы пространства в мировом социологическом мейнстриме.

Другая линия пространственного анализа в социологии долгое время складывалась из исключений и поэтому выглядит таким пунктиром. Ее основоположником является Георг Зиммель, который в 1903 году опубликовал специальную работу “Социология пространства”. Его заинтересованность этой проблематикой можно заметить и в более ранних работах. Так, в исследовании 1890 года “Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования” он отталкивается от повседневной интуиции о пространстве как условия жизни общества, к которому следует приспособляться и которое, в свою очередь, необходимо использовать. Он пишет,

что относительно общественных и психологических феноменов физическое пространство выступает одновременно начальным и случайным условием их существования. Это — то начальное условие человеческого объединения, которое в дальнейшем развитии должно быть преодолено [19, с. 410].

Само физическое пространство у Г.Зиммеля не выступает действующим фактором общественного развития, но влияет на него. Это хорошо видно на примере дифференциации группы при увеличении ее численности в неизменных пространственных рамках: “Дифференциация частей нужна непременно, если рост группы должен происходить в данном пространстве и при ограниченных жизненных условиях, и эта необходимость существует даже в тех областях, которым совершенно чуждо давление хозяйственных отношений” [19, с. 370].

Мысля диалектически, Г.Зиммель видел, что изменения в той или иной социальной группе, вызванные приспособлением к пространственным условиям существования, в свою очередь, изменяют отношение к этим условиям: “...Вместе с такой дифференциацией социальной группы будет расти необходимость и склонность выходить за пределы ее первоначальных границ в пространственном, экономическом и духовном отношении” [19, с. 350].

Не остались вне внимания немецкого социолога и пространственные аспекты отношений между государствами. Взаимное расположение в пространстве во многом предопределяет конфигурацию враждебных и союзнических отношений между ними. Через столкновения государств рождается чувство национального единства. “...Что же касается объединяющего значения общего враждебного отношения, то еще составитель книги законов Ману указывал на то, что князь всегда должен считать своего соседа врагом, а соседа своего соседа — другом, и из многочисленных примеров достаточно вспомнить о том, что Франция обязана созданием своего национального единства, главным образом и прежде всего, войне с англичанами, и о том же говорит нам история последнего образования Германской империи” [19, с. 335].

В этой же работе Г.Зиммель говорит о перспективах анализа внутреннего пространства общества. Имею в виду его концепцию “социальных кругов”. Он активно разрабатывал эту геометрическую метафору, говоря о том, что эти круги пересекаются под разными углами [19, с. 411]. Для Г.Зиммеля это представление имело важное значение, так как через него он объяснял развитие индивидуализации в современных обществах. С его точки зрения: “Число различных кругов, к которым принадлежит отдельный человек, является, таким образом, одним из показателей высоты культуры” [19, с. 412]. Отталкиваясь от того, что индивид может быть одновременно включен в несколько социальных групп, немецкий ученый ввел в исследовательский арсенал социологии систему координат. Он писал: “Те группы, к которым принадлежит индивид, образуют как бы систему координат, так что каждая новая группа, присоединяясь к этой системе, определяет его со все большей точностью и однозначностью” [19, с. 413].

В дальнейшем Г.Зиммель разрабатывал представление о социальном пространстве как о системе мест. Наверное, наиболее четкое представление об этом нам может дать экскурс “Как возможно общество?”. Здесь говорится: “...С одной стороны, общество производит в себе и предлагает некоторое “место”, которое, правда, отличается от других по содержанию и очертаниям, но в принципе может быть заполнено многими и поэтому есть нечто ано-

нимное; с другой стороны, несмотря на его всеобщий характер, индивид занимает это место на основании внутреннего “призвания”, квалификации, воспринимаемой как вполне личная” [20, с. 525]. Такое понимание оказалось достаточно продуктивным, позволяя объединить в одном описании стабильность и изменения в обществе, структуры и индивидов, которые далеко не во всем тождественны общественной системе. Само социальное пространство предстало одновременно и пространством принуждения, и пространством свободы, пространством творчества.

Проблема пространства в различных ее аспектах постоянно оставалась в поле теоретических интересов Г.Зиммеля. А.Филиппов пришел к выводу, что он прежде всего касался таких тем: пространство как форма; пространство и телесность; уникальность каждой точки пространства; место как кристаллизация социальных связей; граница как социальный факт, получивший пространственное оформление; различия между социальными группами в их отношении к социальному пространству; совмещение пространственных перспектив исследователя и тех, на кого направлен его исследовательский интерес [12].

Г.Зиммель оставил после себя чрезвычайно пестрое и во многом фрагментарное наследие. Оно позволяло продолжателям двигаться в разных направлениях. Например, Р.Парк и Э.Богардус использовали некоторые зиммелевские идеи при изучении социальной дистанции. Наверное, без концепции “социальных кругов” не появилась бы и шкала социальной дистанции Э.Богардуса [21].

После Г.Зиммеля в социологии наибольший резонанс имела концепция социального пространства, предложенная П.Сорокиным. Приступая к изложению своих теоретических исследований, П.Сорокин дал общую отсылку к мыслителям, которых он считал своими предшественниками. С одной стороны, к ним он отнес великих философов XVII века — Декарта, Гоббса, Лейбница и Вейля, а с другой — Ф.Ратцеля, Г.Зиммеля, Э.Дюркгейма, Р.Парка, Э.Богардуса и фон Визе [22, с. 297]. Далее как принципиальную позицию он формулирует следующее утверждение: “...*Социальное пространство в корне отличается от пространства геометрического*” [22, с. 297]. Это утверждение он иллюстрирует примерами, которые должны показать, что субъекты могут находиться рядом в физическом пространстве и одновременно далеко в социальном, как и наоборот. При этом П.Сорокину отказывает интуиция, и он не задается вопросом о социальных последствиях пребывания в одном физическом пространстве лиц разного социального статуса. Между тем, это могло бы смягчить многие слишком категоричные выводы, сделанные этим социологом. Так, далее он предлагает свое определение социального пространства, фактически перенося на общественную реальность реляционное определение пространства, заимствованное из философии. Приведу определение П.Сорокина полностью: “...*Социальное пространство есть некая вселенная, состоящая из народонаселения земли. Там, где нет человеческих особей или же живет всего лишь один человек, там нет социального пространства (или вселенной), поскольку одна особь не может иметь в мире никакого отношения к другим. Она может находиться только в геометрическом, но не в социальном пространстве. Соответственно, определить положение человека или какого-либо социального явления в социальном пространстве означает опре-*

делить его (их) отношение к другим людям и другим социальным явлениям, взятым за такие “точки отсчета” [22, с. 298].

Это определение дает основания для вывода о том, что в сравнении с Г.Зиммелем П.Сорокин значительно упростил концепцию социального пространства, доведя реляционную установку до максимально возможного предела. Но пространство, сведенное к отношениям между индивидами и другими социальными единичностями, становилось недоступным для научного исследования. Ведь никакой человеческий ум (здесь скорее нужны способности демона Максвелла!) не в силах охватить всю совокупность межиндивидуальных отношений, в которых неразрывно переплетаются необходимое и случайное. К тому же отношения между акторами (не только индивидами) не покрывают всех отношений в обществе. Остаются структурные отношения, с которыми акторы вынуждены считаться как с объективными. К структурным принадлежат и те отношения, которые порождены дифференциацией общества в физическом пространстве. В связи с этим недоумение вызывает предположение П.Сорокина об одинокой человеческой особи вне социального пространства. Вне социального пространства человек не может жить точно так, как он не может жить без скафандра в космическом пространстве.

Сам П.Сорокин, видимо, почувствовал, что предложенное им определение социального пространства является инструментально бесплодным. Так, исходя из него, невозможно определить места акторов или явлений. Поэтому П. Сорокин предлагает методологические усовершенствования, согласно которым необходимо индивидов соотносить с социальными группами, а социальные группы — между собой: “Составные части данного метода таковы: 1) указание отношений человека к определенным группам; 2) отношение этих групп друг к другу внутри популяции; 3) отношение данной популяции к другим популяциям, входящим в человечество” [22, с. 299].

Далее П.Сорокин возвращается к сравнению геометрического и социального пространств. При этом геометрическое пространство для него было тождественно евклидову пространству. Поэтому отличие, которое он фиксирует, состоит в том, что геометрическое пространство трехмерно, а социальное — многомерно. Более того, “оси дифференциации населения по каждой из этих групп специфичны, *sui generis* и не совпадают друг с другом” [22, с. 300]. Вновь перед П.Сорокиным замаячила угроза дурной бесконечности социопространственных измерений. Для целей исследования социальной мобильности он предложил упростить картину и в исследовательской практике пользоваться декартовой системой координат. Самому ученому это позволило описать вертикальные (восходящие и нисходящие) и горизонтальные перемещения в социальном пространстве как индивидуального, так и группового характера [22, с. 373 и др].

Работы П.Сорокина по проблеме социального пространства оказали очень неоднозначное влияние на социологию. С одной стороны, они создали предпосылки для исследования проблем социальной мобильности, но, с другой стороны, закрепили в науке понимание социального пространства только как одного из аспектов социальной структуры. Проблема физического пространства в социологии благодаря влиянию Сорокина надолго была маргинализирована.

Только П.Бурдьё возвратил социологическую мысль к разностороннему анализу пространственных феноменов в общественной жизни. Сам предмет социологии он тесно связал с социальным пространством: “Социология в объективистском аспекте является социальной топологией, *analysis situs*¹, как называли эту новую область математики во времена Лейбница, анализом относительных позиций и объективных связей между позициями” [23, с. 185–186].

С точки зрения П.Бурдьё, социальное пространство является объективным по отношению к каждому из агентов социального действия. Но это иная объективность, нежели объективность природного мира. Это — структуралистская объективность связей между агентами. Так понимаемое социальное пространство имеет несколько измерений. В нем выделяются поля в зависимости от видов власти или капитала. В каждом из полей идет непрерывная борьба между агентами за классификацию, то есть за определение легитимных принципов их разделения. П.Бурдьё писал: “Эти объективные связи суть связи между позициями, занимаемыми в распределении ресурсов, которые являются или могут стать действующими, эффективными, как козыри в игре, в ходе конкурентной борьбы за присвоение дефицитных благ, чье место — социальный универсум. Основными видами такой социальной власти являются, согласно моим эмпирическим исследованиям, экономический капитал в его различных формах, культурный капитал, а также символический капитал — форма, которую принимают различные виды капитала, воспринимаемые и признаваемые как легитимные” [23, с. 188].

Очень перспективным представляется утверждение П.Бурдьё, что увидеть что-то в обществе можно, только занимая какую-то позицию в социальном пространстве. Он писал: “...При отсутствии сконструированного пространства нет никакой возможности увидеть, откуда видят то, что видят” [23, с. 193]. Следовательно, социальное понимание предполагает учет социальной топологии.

Работы П.Бурдьё стимулировали изучение тех пространственных аспектов социальной жизни, которые ранее не попадали в сферу научного внимания. Так, украинская исследовательница Л.Малес показала, что методология французского классика может быть применена при анализе механизмов включения физической реальности в общество. Тела и вещи при этом рассматриваются как источники капиталов. Важным является также понятие локуса как местоположения в физическом пространстве вещей, индивидов, групп и организаций. Она пришла к выводу, что социально значимое физическое пространство представляет собой и результат, и предпосылку социальных практик, так как реконструируется ими в каждый момент времени [24].

Ради справедливости следует заметить, что в последнее время использование методологии П.Бурдьё стало определенной интеллектуальной модой. Часто прямо через политические категории пытаются объяснить все пространственные отношения в обществе. Например, О.Бикбов так объясняет формирование государственной территории: “Производящий терри-

¹ Дословно “анализ положения” (фр.). Так Лейбниц первоначально предлагал называть топологию.

торию принцип заключен не в физических свойствах самой территории, а в политической борьбе и вписанных в нее военных победах и поражениях” [25]. Это уже значительное упрощение, которое лишает физических характеристик даже конкретную территорию.

Постмодернистское подозрение к властным отношениям оказывает значительное влияние на западных исследователей пространственной проблематики. Например, Э.Сейда с позиций критики логоцентризма делает вывод о том, что империализм “есть акт географического насилия, посредством которого каждое пространство в мире обмеряется, картографируется и в конечном счете ставится под контроль” [цит. по: 13, с. 124]. Мне данная ситуация представляется значительно более сложной. С одной стороны, было бы неправильно отрицать подобные интенции у империализма и их влияние на науку. Но империализм в еще большей степени причастен к искажению образов пространства. Например, карты в проекции Г. Меркатора, кажущиеся в силу школьного образования совершенно естественными, располагают Север сверху, а Юг — снизу. Это соответствует многим ценностным ожиданиям именно европейцев, так как расположение сверху кажется более значимым, позитивным, доминирующим. Тем самым подкрепляются позиции европоцентризма.

Хочу также обратить внимание на то, что господство не всегда предполагает детальное изучение территории, над которой осуществляется господство. Например, основоположник украинской географии С. Рудницкий обращал внимание на плохую географическую изученность Украины, связанную с ее длительным нахождением в составе Российской империи [26, с. 208].

Поскольку империализм — это социально-экономическая и политическая характеристика отдельных стран, то следует принимать во внимание и столкновение интересов различных империй. А это всегда порождало тенденцию к тому, чтобы скрывать информацию о пространственных характеристиках своих стран. Тенденция эта достаточно давняя. В.Вернадский писал, что “в XVI столетии многие правительства противились составлению карт своих стран, так как этим открывался путь в их страну во время войн” [27, с. 184].

Таким образом, практическое и теоретическое освоение пространства нельзя объяснить только политическими практиками и, даже более широко, практиками властвования. П.Рикер хорошо показал, что в западной традиции появление научного знания привело к существенным изменениям в отношении человека к объективной действительности. Фундаментальное научное знание, в отличие от знания прикладного, во многом смыкается с медитативным знанием Востока, хотя и исходит из иных оснований. С этих позиций становится возможным универсальный экологизм, родственный древнеиндийскому. П.Рикер выразил это следующим образом: “Сознание увеличивается в своем объеме, обретая в качестве центра свое Другое: Космос, Биос, Психе; оно обретает себя, теряя себя, — обретает себя просвещенным и сведущим, теряет же себя в качестве нарциссического сознания” [28, с. 238]. Конечно, властный дискурс может попытаться подчинить себе и этот подход (что неоднократно происходило и происходит). Однако это не то же самое, что и быть произведенным этим дискурсом.

В современных исследованиях все чаще внимание обращается на то, что Э.Соджа называет “социопространственной диалектикой” [29, с. 104–105].

А.В. Николаев так передает мысль Р.Алена: “Социальное пространство (семиотическое, идеологическое, реляционное) взаимодействует с реальным и воображаемым: это место “вос/производства” социальных различий, “символическая сфера вос/производства бинарностью реального-и-воображаемого”; оно “репрезентирует пространственные властные дифференциалы” [13, с. 115]. Поэтому американский автор в качестве трех “моментов” социального пространства называет восприятие, понятийное схватывание и переживание [13, с. 115].

Правда, такой подход прежде всего занял прочные позиции в современной географии, которая сейчас лидирует в исследовании общественных пространственных структур. Д.Замятин в своих многочисленных работах показал, что географическое пространство становится фактором общественной жизни через систему географических образов. Он пишет: “В общем смысле, географический образ — это совокупность ярких, характерных сосредоточенных знаков, символов, ключевых представлений, описывающих какие-либо реальные пространства (территории, местности, регионы, страны, ландшафты и т.д.)” [30, с. 10]. Эти образы не являются простым отражением. Само реальное географическое пространство функционирует в обществе, только будучи опосредованным ими. Причем разные культуры создают различные системы образов даже одного и того же пространства. Прочтение этих образов предполагает метод, который В.Каганский назвал “ландшафтной герменевтикой культуры” [31, с. 134].

Важнейшим типом географических образов является карта. Благодаря картам у людей формировался и формируется образ ойкумены и отдельных стран, что, в свою очередь, влияло и влияет на практики, идентичности и формы чувствования. Карта формирует образ родной страны, а это важнейший момент самоидентификации современного человека. А, скажем, ежевечерний прогноз погоды по телевидению, сопровождаемый демонстрацией карты Украины, — важное подтверждение идентичностей (связанных со страной и регионами).

А.Берлянт писал, что образность — это “самое специфическое свойство карты, позволяющее географу охватить единым взглядом и исследовать сколь угодно обширные пространства. Именно этому свойству карты география и геология обязаны открытием многих закономерностей регионального и планетарного масштаба” [32, с. 21]. Открытия, сделанные с помощью картографического метода, связаны с тем, что “информация, получаемая с карты, может быть шире той, что заложена в карту ее составителем” [32, с. 24].

Исследование пространственной морфологии общества социологией также предполагает широкое использование картографического метода. В плодотворности этого можно убедиться на примере многочисленных работ современного польского социолога Т.Зарицкого, который с помощью картографического метода проанализировал результаты всех общенациональных голосований в современной Польше. Результатом этих исследований стало установление границ регионов его родной страны [33; 34].

Есть все основания предположить, что дальнейшее развитие исследований пространственной морфологии общества будет стимулировать взаимодействие социологии с другими науками, изучающими проблемы пространства. Прежде всего это касается гуманитарной географии, внутри которой уже давно сложилось своеобразное социологическое течение. Его воссоеди-

нение с основным социологическим материком было бы полезным как для социологии, так и для географии.

Однако фактическая безоружность социологии перед пространственными вызовами современности требует более широкого синтеза. Социология заинтересована в освоении достижений математики, особенно тех ее разделов, которые изучают топологию и метрику. Опыты Г. Угольницкого по математическому исследованию социального пространства выглядят весьма перспективными. Во всяком случае, полученный им образ общественного пространства очень отличается от традиционного. Он характеризует его следующим образом: "...В структуре социального пространства можно выделить несколько "ядер" метаобщностей с типичными представителями и большое количество разрозненных, маргинальных "осколков", представляющих собой материал для формирования новых социальных общностей" [35, с. 31].

Вполне возможно, что у социологии при изучении этих проблем возникнут плодотворные контакты даже с физикой, геофизикой, геологией, этнологией, историей, геополитикой и геоэкономикой. Но это приведет к внутренней перестройке и самой социологии. Во-первых, проблема пространства должна отразиться в структуре теоретической социологии. Во-вторых, проблема пространства войдет в предметное поле ряда специальных и отраслевых социологий (социологии города, социологии села, экономической социологии, политической социологии, этносоциологии, социологии культуры и т.д.). В-третьих, новый импульс развития должна получить социология регионов. Это связано с той ролью регионов и процесса регионализации в современном мире, о которых речь шла в начале статьи. Изучая регионы и регионализацию, можно получить представление об изменениях, которые происходят в пространственной организации современных обществ. Именно социология регионов оказывается той "теорией среднего уровня", где постоянно должен осуществляться синтез эмпирического и теоретического материала, касающегося пространственных аспектов общественной жизни. Через ее разработку будет углубляться общее понимание пространства в социологии. Поэтому в заключение целесообразно рассмотреть, как возможна социология регионов.

Регион как проблема

Хотя научный дискурс по региональной проблематике начал разворачиваться в США и Западной Европе с 1950-х годов (пионером здесь был американец У. Айзард), я ограничусь в данной статье основными этапами отечественной традиции социологического исследования региональной реальности. Она уходит своими корнями в советскую регионалистику 1970–1980-х годов. По свидетельству В. Гордяненко, во второй половине 1970-х процесс регионального социального планирования вызвал соответствующие социологические исследования, нашедшие отражение в научных публикациях [36, с. 183].

В советской регионалистике доминировал экономоцентрический подход. А. Гранберг справедливо отмечал, что по сравнению с западными исследованиями в ней небольшой удельный вес составляли социальные, демографические, экологические и этнические проблемы. Только на рубеже

1970-х и 1980-х годов начал расширяться круг исследований по социальным и экологическим проблемам. “В целом проблематика типовых региональных исследований в СССР соответствовала требованиям расширяющейся экономики на стадии индустриализации с преобладанием экстенсивных факторов роста” [37, с.77].

Первоначально социологическое изучение регионов не только находилось в силовом поле экономоцентризма, но и было слабо дифференцировано от социологии города и социологии села. Видимо, последнее обстоятельство оказалось благоприятным для выработки понятия территориальной общности. Она понималась как “совокупность людей, характеризующаяся общностью отношения к определенной хозяйственно освоенной территории, системе экономических, социальных, политических и других связей, выделяющих ее в качестве относительно самостоятельной единицы пространственной организации жизнедеятельности населения” [38, с.74]. Несмотря на очевидное несовершенство такого определения (неясность природы общности отношения, несистемность понимания внутрирегиональных связей), оно было эвристически полезным для разворачивания региональных исследований.

Одним из первых в советском социологическом сообществе определение региона предложил Н.Аитов: “С точки зрения социологии, регион — это социально-территориальная общность, характеризуемая локализацией единых для страны общественных отношений. Эта общность предполагает определенное экономическое единство региона, складывающееся на базе общесоюзного разделения труда” [39, с.15].

Это определение порождало множество вопросов. Во-первых, оставались неясными причины и механизм локализации единых для страны общественных отношений. Во-вторых, столь же неясно, почему во внимание принимается только экономическое единство региона.

Впрочем, исследование Н.Аитова ценно не этим определением. Социолог изучил межрегиональные различия, характерные в то время для Советского Союза, выделив в качестве показателей уровень жизни, условия всестороннего развития личности и уверенность в завтрашнем дне. По своему фактическому содержанию это исследование еще долго будет представлять интерес для социологов, занимающихся региональной проблематикой. Однако книга Н.Аитова хорошо показывает, что экономоцентризм сужает видение социологами региональной жизни. Вне поля зрения остаются факторы социальной самоорганизации, без которых невозможно понять социальный морфогенез, в том числе и на региональном уровне.

В дальнейшем, с тем чтобы избежать ловушек экономоцентризма, было предложено различать экономическое и социологическое понимание региона. В качестве признаков региона во втором смысле этого термина чаще всего назывались специфические природные условия, сложившаяся специализация производства, определенный уровень производительных сил, специфика социальной структуры, исторически закрепившийся образ жизни населения [40, с.116]. Однако эти показатели вряд ли могут четко разделить социологическое и экономическое понимание региона.

На этой стадии изучения регионов социология столкнулась с их чрезвычайным разнообразием. Но в качестве основания для их систематизации использовался только территориальный масштаб. В.Староверов таким обра-

зом выделил 8 типов регионов: микрорегионы (ядро — отдельные сельские поселения), малые регионы (территории сельских советов), внутрирайонные “кусты” (специфические части административных районов), административно-территориальные районы, внутриобластные “кусты”, области, территориально-экономические районы без четко выраженного поселенческого ядра тяготения, зоны из нескольких территориально-экономических районов [40, с.116–117]. Однако единое основание классификации в данном случае оказывается мнимым. Здесь как рядоположные рассматриваются поселенческие, административные и экономические образования. К тому же этот ряд оказывается неполным. Геополитики своими аналитическими средствами всю Евразию могут рассматривать как регион [см.: 5].

В последние годы в нашей социологии были сделаны определенные шаги по преодолению экономоцентризма в понимании регионального феномена. Например, А.Стегний и Н.Чурилов исходят из того, что “регион является не только экономическим пространством, но и предстает как пространство определенной социальной структуры, организации власти и культурных традиций” [41, с. 5]. Однако в целом изучение социологией регионов шло по пути увеличения числа признаков, которые принимались во внимание в исследовательской практике. Так, О.Барбаков называет семь “составляющих” (подсистем) региона: физико-географическую, экономическую, политико-административную, этническую, социокультурную, правовую и политическую [42, с.97–98]. Не возражая против выделения названных аспектов региональной жизни, считаю нужным заметить, что этот перечень не является исчерпывающим и не объединяется в какую-то систему, в рамках которой можно проследить разные типы связей между названными и неназванными подсистемами. В силу этого и итоговое определение О.Барбакова вряд ли дает возможность значительно продвинуться в понимании региона. Он пишет: “...Регион определяется как целостная социальная система, обладающая всеми характеристиками социума” [42, с.98]. Это скорее эмоциональное заявление, чем выверенная научная констатация. На деле одни регионы проявляют черты отдельных социумов, другие — нет [см.: 43, с. 251–269]. Но даже те регионы, которые проявляют черты особых социумов, не являются герметичными. Наряду с региональными структурами и акторами на их жизнь оказывают влияние внешние структурные и деятельностные факторы. В реальном анализе их порой бывает очень трудно отличить [44, с.137–155].

Такое состояние понимания региона находит отражение и в практике эмпирических социологических исследований. Региональную жизнь в различных ее аспектах преимущественно изучают опросными методами [см.: 41; 45]. Реже используется контент-анализ региональных СМИ [см.: 46], другие методы сбора первичной социологической информации. Украинская и российская социология практически не используют модели в пространственном анализе общества, хотя практика моделирования в региональной экономике имеет давнюю традицию [37, с.41–68; 47, с.28–50].

Отставание в развитии социологии регионов в сравнении с региональной экономикой, экономической и социальной географией, определенная маргинальность этой дисциплины породили у ряда социологов скептицизм в отношении ее будущего. Г.Зборовский, выразивший эту позицию, писал: “На самом деле речь идет не столько об особом направлении социологичес-

кой науки — региональной социологии, сколько об изучении конкретных и наиболее актуальных для данного (или нескольких схожих по основным социальным параметрам) региона проблем” [48, с.103].

Таким образом, современная социология выделила регион из других форм пространственной организации общественной жизни, описала отдельные его подсистемы. Вместе с тем в исследовательской практике внимание скорее обращается на региональные особенности общенациональных процессов. Это привело к маргинализации социологии регионов, неопределенности ее предмета и методов. Данная отрасль социологии потерялась в тени более успешных региональных исследований экономического и географического планов.

Для развития социологии регионов прежде всего необходимо дать системное описание ее предмета. На таком основании можно будет сделать вывод о ее самостоятельности и перспективах ее развития. В связи с этим я хочу высказать некоторые соображения.

Мне представляется, что предмет социологии регионов пока может быть описан только качественно. Лишь на основании такого описания можно будет ставить задачу специфического математического моделирования региональной жизни. Контуры качественной модели региона как предмета социологического исследования представляются мне следующим образом.

Первое. Любой регион сформировался как результат адаптивно-адаптационного взаимодействия общества и природы. В настоящий момент это взаимодействие, как ни странно, рассматривается внепространственно. Современная социология недалеко ушла от позиции Мориса Хальбвакса, сформулировавшего ее в 1920 году в статье “Материя и общество”. Ее суть в том, что указанное взаимодействие ограничено рамками производственного процесса. Оно носит не континуальный, а “точечный” характер. Человек здесь взаимодействует с предметом труда через посредство орудий труда [49, с.47–88]. Сейчас такую позицию нельзя не признать односторонней. Природа как условие человеческого существования предстает не только как кладовая предметов труда, но и как пространство. Изучая морфогенез регионов, пространство следует рассматривать в двух аспектах. *Первый предполагает взгляд на пространство как на простую длительность.* Такое допущение лежит в основе эволюции пространственных моделей региональной экономики от сельскохозяйственного штандорта Й.Тюнена до учения о пространственной организации А.Леша [37, с.42–66]. Это упрощение позволило создать математические модели изучаемой реальности.

Очень полезным примером для социологии регионов может стать новаторское исследование археолога М.Колесникова. Он применил модели пространственного анализа для реконструкции Великой греческой колонизации, показав, что все они явно или неявно предполагают принцип К.Зипфа. Минимализация расстояний — это только частный случай минимализации усилий [50, с.22]. Думаю, что в перспективе это направление исследований может получить социологическое наполнение. В зависимости от развитости обществ круги локализации социальных практик будут разными. Соотношение кругов практик будет давать иерархию регионов.

Второй аспект предполагает взгляд на пространство как на конкретную геотопию (термин Э.Алаева) [51, с.67]. В этом случае для анализа важны конкретные характеристики геотопии (ландшафт, полезные ископае-

мые, биологическое разнообразие, социальная освоенность). При таком подходе регион предстает как результат исторического освоения природной реальности обществом. На этом участке земной (а в перспективе любой планеты) поверхности происходит ее социальное освоение, превращение физического пространства во внутреннее пространство общества.

Второе. Регион — понятие историческое. Видимо, до возникновения индустриального общества существовали иные способы пространственного структурирования социума (территории племен, исторические земли, провинции и т.д.) [52, с.92–99]. В этом случае регион получает интерпретацию в теории нации. Регионы выступают главными субнациональными единицами, где происходит целостная интерпретация национальной культуры. Это — базовый уровень региональной реальности.

Думаю, что этот вывод требует специального обсуждения. Дело в том, что он сталкивается с естественным человеческим чувством, которое находит проявление в стремлении экстраполировать современные формы социальной организации как на прошлое, так и на будущее. Например Вальтер Ляймгрубер (W.Leimgruber) прямо пишет, что не стоит сомневаться в том, что регионы существуют с тех пор, как человек разумный появился на нашей планете [53, с. 1]. Вместе с тем, науке известен обширный эмпирический материал, толкающий к тому, чтобы усомниться в этом выводе и преодолеть иллюзию тождества пространственных морфологий различных обществ.

Конечно, любое общество пространственно структурировано. Но эти структурированности различны. Скажем, для первобытного общества наиболее существенным в пространственном членении мира было разделение на свое (освоенное, “прирученное”) пространство и некое неупорядоченное враждебное множество. Это нашло отражение в древнегерманском разделении всего пространства мира на “митгард” (“прирученное” пространство) и “утгард” (враждебное множество, где все несет погибель) [54, с. 109]. Украинский этнолог А.Босый вполне справедливо говорит, что поведение древних трипольцев определялось не только посюсторонним пространством, но и представлениями о пространстве потустороннего мира [55].

В античных обществах обитаемым представлялось только сакрализованное пространство. Вне такого пространства человеческая группа, считалось, просто не может жить. В.Глазычев пишет: “Символическая значимость локуса грандиозна, — божество и локус неотторжимы друг от друга, что в равной степени читится своими и врагами... Для того, чтобы не порвать с локусом, жителям колонии было недостаточно выстроить храм бога родины: они вывозили имя материнского города, имена, данные рекам, ручьям” [56]. Г.Кнабе пишет, что римляне присоединяли покоренные территории не только силой оружия, но и символически: “...В покоренных городах, включенных в состав Римской империи, в большинстве случаев сохранялись культы местных богов, но в центре их непременно располагался храм трех высших богов города Рима” [54, с. 121]. Отношения Рима с провинциями вряд ли можно отождествить с отношениями центра и регионов в индустриальных странах. “Сознание того, что Рим есть особое, неповторимое и в этом смысле замкнутое в себе явление, отделенное от окружающего мира, как бы стоящее иерархически несравненно выше него, а народы этого мира более или менее неполноценны и созданы для подчинения, проявляется в истории города неоднократно и в самых разных формах” [54, с. 112].

Хорошее представление о социальном структурировании территории в феодальных обществах дает отчет московского купца Федота Котова о поездке в Персию в 1623–1624 годах. Для него прежде всего значимы города и расстояния между ними. Именно города — опорные пункты политического порядка в социальном хаосе. Поэтому его сочинение изобилует такими фразами: “От Самары до Саратова 350 верст. Саратов стоит на луговой стороне” [57, с.65]. Вторым принципом структурирования земного пространства Ф.Котов считал политическую принадлежность территории. “Мы пришли с царскими товарами в персидскую землю, во владения шаха, и пристали к Ширванской земле, к пристани Низовой” [57, с.68]. Также он выделяет некие ландшафты, заселенные специфическими человеческими группами. “На Дону все городки казачьи, в тех городках живут казаки с женами и детьми” [57, с. 66]. Все выделенные социопространственные единицы весьма далеки от современных регионов. Это и дает основание говорить о том, что регионы появляются только в индустриальных обществах, а особое значение в пространственной структуре общества приобретают в период перехода к постиндустриализму.

Третье. В рамках нации регионы конституируются по региональным системам. Появление новых регионов происходит в результате возникновения проблем, которые в рамках старой региональной системы оказываются неразрешимыми. Например, Донбасс начал формироваться в результате появления у Российской империи новых геополитических перспектив в бассейне Черного моря.

Любой регион формируется в результате взаимодействия сил самоорганизации и организующих усилий государства. Для описания возникновения и последующей эволюции региона очень продуктивным представляется понятие креода. В свое время оно было введено в научный оборот биологом К.Х.Уоддингтоном, который этим термином обозначил канализированную траекторию (протяженный во времени процесс изменений), притягивающий ближайшие траектории [58, с.21]. Общенаучный смысл этому понятию придал А.Газарян. Он писал: “Притягивая соседние траектории, креод определяет наиболее вероятное направление дрейфа и эволюции системы, но не детерминирует их полностью, поскольку фактическая линия развития не только подвержена флуктуациям, но проходит и через точки бифуркации. Следовательно, креод характеризует поведение системы при заданных внутренних и внешних условиях ее существования” [59, с.61]. В последних публикациях А.Газарян развивает понятия “ландшафт сил” и “креодогенный ландшафт” [60, с.14–15], которые могут быть использованы при объяснении формирования и развития того или иного региона.

Четвертое. В результате процессов самоорганизации формируются региональные общности, имеющие свои интересы. Следствием этого является формирование региональных идентитетов, которые сосуществуют с другими идентитетами, определяя поведение людей.

Пятое. Формирование региона связано с телеономной направленностью в сторону политического выражения его специфики. В силу этого региональные системы связаны не только с непосредственными межрегиональными отношениями, но и с отношениями регионов с центром. Отношение “центр — регионы” вовсе не тождественно отношению центра и окраин [61,

с.4–8]. В региональном делении заложена возможность множественности креативных центров национальной жизни.

Шестое. Регионы существуют как сложные поселенческие системы. Конурбации могут не только взаимно дополнять друг друга, но и конкурировать друг с другом. Поэтому в рамках одного региона может создаваться несколько административно-территориальных единиц, приобретающих черты региона более низкого порядка.

Седьмое. Вся иерархия субнациональных регионов представляет собой взаимосвязанные локализации человеческих практик. Их носителями являются территориальные общности. Что касается наднациональных регионов, то их конституирование связано с деятельностью государств, проецирующих свои интересы на определенный участок земной поверхности. В силу этого геополитические регионы могут быть не только полиэтничными и поликультурными, но и полицивилизационными (яркий пример — Кавказ) [см.: 62, с. 9–97].

На основании всего сказанного можно сделать некоторые выводы. Социология регионов призвана объяснить пространственную локализацию различных форм социальных практик, возникновение в этих процессах различных территориальных общностей. Она должна создать модели различных региональных систем, показав взаимодействие в их формировании и развитии примордиальных и сознательно организующих факторов. Эти задачи не может своими методами решить ни одна из существующих ныне наук. Создание теории региона делает более гибкими и социографические описания конкретных регионов. Следовательно, в период становления постиндустриального общества развитие самостоятельной социологии регионов становится одной из актуальных задач социологического сообщества. Можно надеяться, что развитие социологии регионов будет способствовать развитию пространственного анализа в социологии вообще. Вряд ли это произойдет легко и быстро. Внепространственные традиции будут оказывать тормозящее влияние на включение проблем пространственного анализа в ткань социологической науки. Нужны глубокие методологические преобразования теории и практики социологических исследований. Только на этом пути социология может превратиться из теории индустриального общества в теорию общества постиндустриального.

Литература

1. Allen R.L. The Socio-Spatial Making and Making of “Us”: Toward a Critical Post-modern Spatial Theory of Difference and Community // *Social Identities*. — Oxford, 1999. — Vol. 5. — № 3. — P. 249–277.
2. Панарин А.С. Искушение глобализмом. — М., 2000.
3. Пахомов Ю.Н., Крымский С.Б., Павленко Ю.В. и др. Цивилизационные модели современности и их исторические корни. — К., 2002.
4. Макеев С. Социальные институты: классические трактовки и современные подходы к изучению // *Социология: теория, методы, маркетинг*. — 2003. — № 4. — С. 5–20.
5. Бжезинский З. Великая шахматная доска. — М., 1999.
6. Арсеенко А. Глобализация: социальные изменения и последствия в преддверии XXI века // *Социология: теория, методы, маркетинг*. — 1999. — № 1. — С. 42–58.

7. *Мартин Г.-П., Шуман Х.* Западная глобализация. Атака на процветание и демократию. — М., 2001.
8. *Wiberg U.* Towards a New Micro- and Macroregional Fragmentation in Sweden // Development Issues in Marginal Region. — New Delhi, 1996. — P. 97–103.
9. *Pastor M.Jr., Dreier P., Grigsby III J.E., Lopez-Garza M.* Regions That Work. How Cities and Suburbs Can Grow Together. — Minneapolis, 2000.
10. *Колер-Кох Б.* Эволюция и преобразование европейского управления // Мировая экономика и международные отношения. — 2001. — № 7. — С. 44–57.
11. *Фадеева Т.М.* Федералистская модель Европейского Союза: концепции и практика // Мировая экономика и международные отношения. — 2000. — № 6. — С. 24–33.
12. *Филиппов А.Ф.* Социология пространства: общий замысел и классическая разработка проблемы. — // http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_2/09.html.
13. *Николаев В.Г.* Реферат статьи: Allen R. L. The Socio-Spatial Making and Making of “Us”: Toward a Critical Postmodern Spatial Theory of Difference and Community // Social Identities. — Oxford, 1999. — Vol. 5. — № 3. — P. 249–277 // Социологические исследования на пороге XXI века : Сборник обзоров и рефератов. — М., 2000. — С. 106–128.
14. *Монтескье Ш.-Л.* Персидские письма. — М., 1956.
15. *Конт О.* Курс положительной философии // Западноевропейская социология XIX века : Тексты / Под ред. В.И.Добренкова. — М., 1996. — С. 94–119.
16. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. — М., 1991.
17. *Филиппов А. Ф.* Ясность, беспокойство и рефлексия: к социологической характеристике современности // Вопросы философии. — 1998. — № 8. — С. 38–58.
18. *Парсонс Т.* Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Зарубежная социология XX века : Хрестоматия / Под ред. В.Г.Городяненко. — Днепропетровск, 2001. — С. 14–34.
19. *Зиммель Г.* Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования // Зиммель Г. Избранное. — Т. 2. Созерцание жизни. — М., 1996. — С. 301–465.
20. *Зиммель Г.* Как возможно общество? // Зиммель Г. Избранное. — Т. 2. Созерцание жизни. — М., 1996. — С. 509–526.
21. *Панина Н.В.* О применении шкалы социальной дистанции в исследовании национальной толерантности в Украине // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2003. — № 4. — С. 21–43.
22. *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. — М., 1992.
23. *Бурдьё П.* Социальное пространство и символическая власть // Бурдьё П. Начала. — М., 1994. — С. 181–207.
24. *Малес Л.В.* Фізична реальність у соціальному вимірі // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства : Збірник праць. — Харків, 2000. — С. 97–102.
25. *Бикбов А.* Социальное пространство как физическое: иллюзии и уловки. — <http://www.strana-oz.ru/?numid=7&article=289>.
26. *Рудницький С. Л.* Завдання Українського Географічного Інституту і його видавництва // Шаблій О.І. Академік Степан Рудницький — фундатор української географії. — Львів; Мюнхен, 1993. — С. 193–218.
27. *Вернадский В.И.* Избранные труды по истории науки. — М., 1981.
28. *Рикер П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. — М., 1995.
29. *Soja E.W.* Postmetropolis. Critical Studies of Cities and Regions. — Oxford, 2000.
30. *Замятин Д.Н.* Геополитические образы современного мирового развития // Мировая экономика и международные отношения. — 2001. — № 11. — С. 10–16.
31. *Казанский В.Л.* Ландшафт и культура // Общественные науки и современность. — 1997. — № 1. — С. 134–145.
32. *Берлянт А. М.* Картографический метод исследования. — М., 1978.

33. *Zarycki T.* Nowa przestrzen społeczno-polityczna Polski. — Warszawa, 1997.
34. *Zarycki T.* Region jako kontekst zachowan politycznych. — Warszawa, 2002.
35. *Угольницкий Г.А.* Модели социальной иерархии. — М., 2000.
36. *Городяненко В.Г.* Социология: источниковедение и историография знания. — Днепропетровск, 2003.
37. *Гранберг А.Г.* Основы региональной экономики. — М., 2001.
38. Рабочая книга социолога. — М., 1983.
39. *Аитов Н.А.* Социальное развитие регионов. — М., 1985.
40. *Староверов В.И.* Регион // Социология. Словарь-справочник. — М., 1990. — Т. 1. — С. 116–117.
41. *Стегній О.Г., Чурилов М.М.* Регіоналізм в Україні як об'єкт соціологічного дослідження. — К., 1998.
42. *Барбаков О.М.* Регион как объект управления // Социологические исследования. — 2002. — № 7. — С. 96–100.
43. *Denis Claude.* Quebec as Distinct Society as Conventional Wisdom: The Constitutional Silence of Anglo-Canadian Sociologists // Canadian Journal of Sociology. — 1993. — № 18(3). — P. 251–269.
44. *Dunkerley D., Thompson A.* Civil Society: the View from Wales // Динамизм социальных процессов в постсоветском обществе. — Вып.2. — Ч.2. Общественные науки. — Луганск; Цюрих; Женева, 2001. — С. 137–155.
45. *Коваліско Н.В., Хорунжий А.Г.* Регіональна трудова мобільність. — Львів, 2002.
46. *Костенко Н.В., Макеев С.А.* Крымский конфликт: мораль против права // Философская и социологическая мысль. — 1991. — № 11. — С. 53–66.
47. *Голиков А.П., Олійник Я.Б., Степаненко А.В.* Вступ до економічної і соціальної географії. — К., 1997.
48. *Зборовский Г.Е.* Существует ли региональная социология? // Социологические исследования. — 2001. — № 1. — С. 101–108.
49. *Хальбвакс М.* Социальные классы и морфология. — М.; СПб., 2000.
50. *Колесников М.А.* Греческая колонизация Средиземноморья (опыт анализа миграционного механизма). — К., 2003.
51. *Алаев Э.Б.* Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. — М., 1983.
52. *Кононов И.Ф.* Ценностная интерпретация действительности на региональном уровне (пример Донбасса) // Грані. — 2003. — № 1(27). — С. 92–99.
53. *Leimgruber W.* Telecom and Marginality: Modern Technology to Prevent Marginalization? // Development Issues in Marginal Region. — New Delhi, 1996. — P. 1–12.
54. *Кнабе Г.С.* Историческое пространство и историческое время в культуре Древнего Рима // Культура Древнего Рима: В 2-х т. — М., 1985. — Т.2. — С. 108–166.
55. *Босий О.Г.* Традиційні символи у магичних ритуалах українців. — Кировоград, 1999.
56. *Глазычев В.Л.* Античная система расселения (переживание ойкумены). — http://www.glazychev.ru/publications/articles/1979_antic_systema_rasselenia.htm.
57. Хождение купца Федота Котова в Персию. — М., 1958.
58. *Уоддингтон К.Х.* Основные биологические концепции // На пути к теоретической биологии. I. Прологомены. — М., 1970. — С. 11–38.
59. *Газарян А.Є.* Субструктури і інформація // Філософська і соціологічна думка. — 1990. — № 5. — С. 59–65.
60. *Газарян А.* Методологические основы стратегического планирования. — Бишкек, 2003.
61. *Габриелян О.А.* Крым как проблема регионализма // Ученые записки Симферопольского государственного университета. — 1999. — № 11(50). — С. 4–8.
62. *Гаджиев К.С.* Геополитика Кавказа. — М., 2001.